

Ханка

Осмысленность этой поездки была крайне сомнительной с самого начала. Бросать Нью-Йорк и свою работу на два с половиной месяца ради лекционного турне по Аргентине было, во-первых, неоправданно с финансовой точки зрения, а во-вторых, тогда уж надо было лететь самолетом, а не болтаться восемнадцать суток на корабле. Однако вышло так, что я подписал договор и позволил своему импресарио Хацкелю Поливе забронировать мне билет туда и обратно на пароход «Ла Плата». Летняя жара в том году затянулась до октября. В день моего отъезда термометры показывали 90 градусов*. Меня, как всегда, перед поездкой терзали всякие страхи и дурные предчувствия: я буду страдать от морской болезни, пароход затонет, еще что-нибудь ужасное случится. «Не надо никуда ехать!» — заклинал меня внутренний голос. Но если бы я взял за правило всерьез прислушиваться к подобным предостережениям, то никогда бы не попал в Америку, а давно бы погиб в оккупированной нацистами Польше.

Большого комфорта и лучшего обслуживания, чем на «Ла Плата», нельзя было и пожелать. Моя каюта первого класса с двумя квадратными окнами,

* 32°С. (Здесь и далее примеч. переводчика.)

диваном, письменным столом и картинами на стенах скорее напоминала фешенебельную гостиную. В ванной комнате были и ванна, и душ. Создавалось впечатление, что обслуживающего персонала больше, чем пассажиров. Среди последних явно преобладали латиноамериканцы. В столовой за моим стулом стоял специальный стюард, проворно подливавший в бокал вино, стоило мне сделать хотя бы один глоток. За обедом и ужином играл джаз-банд из пяти человек. Через день капитан приглашал всех на «коктейл парти». Однако сблизиться с кем-нибудь мне так и не удалось. Те несколько человек, которые говорили по-английски, держались особняком. Мужчины, все молодые гиганты под метр девяносто, играли в шафл-борд* и плескались в бассейне. Женщины, на мой вкус, были слишком высокими и спортивными. Вечерами они либо танцевали, либо курили и потягивали вино, сидя в баре. Я решил не навязывать никому своего общества, и, похоже, мое решение было встречено с пониманием. Никто не обращался ко мне ни с единым словом. Я даже начал подумывать, что каким-то таинственным образом я превратился в невидимку. Постепенно я вообще перестал посещать капитанские «фуршеты» и попросил, чтобы еду приносили в мою каюту. На Тринидаде и в Бразилии, где корабль стоял по целому дню, я прогуливался в гордом одиночестве. Книг с собой я почти не взял в необъяснимой уверенности, что на корабле будет библиотека. Но вся библиотека свелась к одному-единственному шкафу со стеклянными дверцами, в котором стояло около полусотни томов на испанском и дюжина на английском — в основном потрепанные путе-

* Состязательная игра на размеченном корте с использованием киев и шайб.

водители столетней давности. К тому же шкаф был постоянно заперт, и всякий раз, когда я хотел поменять книгу, начинались долгие поиски ключа. Меня посылали от одного члена команды к другому. В конце концов какой-нибудь офицер с эполетами записывал в тетрадь мое имя и номер каюты, а также название книги и имя автора. На это у него уходило минимум четверть часа.

Когда корабль приблизился к экватору, я перестал выходить на палубу в дневные часы. Солнце пекло невыносимо. Дни стали заметно короче, а ночь наступала мгновенно. Только что было светло, а в следующую секунду — полная темнота. Солнце не опускалось, а словно бы падало в воду, как метеор. Поздно вечером, когда я на несколько минут все-таки выбирался из каюты, в лицо бил горячий ветер. Волны страстно ревели и бушевали: «Мы должны плодиться и размножаться! Мы должны истощить все силы сладострастия!» Океан пылал, как лава, и казалось, я вижу, как мириады живых существ — водоросли, киты, какие-то морские монстры — предаются чудовищной оргии у самой поверхности и в недоступных пучинах. Здесь бессмертие было законом. Все мироздание неистовствовало. Временами мне чудилось, что я слышу свое имя: дух бездны звал меня присоединиться к их ночным танцам.

В Буэнос-Айресе меня встречали мой импресарио, низенький, кругленький Хацкель Полива, и какая-то молодая женщина, отрекомендовавшаяся моей родственницей Ханкой, правнучкой моей тети Ентл от первого мужа. На самом деле мы с Ханкой не могли быть родственниками, потому что мой дядя Аарон был третьим мужем Ентл. На Ханке, маленькой, худенькой брюнетке с полными губами и черными, как оникс, глазами, было черное платье

и черная широкополая шляпа. Она выглядела лет на тридцать — тридцать пять. Ханка сразу же сообщила мне, что в Варшаве она спаслась от нацистов только потому, что кто-то спрятал ее в арийском квартале. На мой вопрос о ее профессии она ответила: «Я танцовщица». Надо сказать, что мне и самому это пришло в голову, едва я взглянул на ее мускулистые икры. Я спросил, где она танцует, и она сказала: «На всяких еврейских праздниках и когда собственные проблемы пятки жгут».

Хацкель Полива на своей машине отвез нас в гостиницу «Космополитан» на улице Хунин. Когда-то это была центральная улица квартала красных фонарей, но теперь, по словам Поливы, район преобразился до неузнаваемости, и все писатели останавливаются именно в этом отеле. Мы втроем пообедали в ресторане на бульваре Корриентес, и Хацкель Полива вручил мне программу моего четырехнедельного аргентинского турне. Мне предстояло выступить с лекциями в Буэнос-Айресе («Театр Солей» и Еврейский культурный центр), в Розарио, Мар-дель-Плата и в еврейских колониях в Мозес-Вилле и Энтре-Риосе. Варшавское общество, еврейское отделение ПЕНа, сотрудники газеты, печатавшей мои статьи, несколько еврейских школ — все готовили приемы в мою честь.

Когда мы с Поливой на минутку остались одни, он спросил:

— Кто эта женщина? Она говорит, что танцует на еврейских праздниках, но я никогда ее раньше не видел. Пока мы вас ждали, я попросил у нее адрес и телефон на случай, если понадобится с ней связаться, но она сказала, что сама с вами свяжется. Кто она такая?

— Понятия не имею.

У Хацкеля Поливы была назначена еще одна встреча на тот вечер, и после обеда он уехал. Я вытащил кошелек — с какой стати он должен платить за мою предположительную родственницу? — но он не дал мне этого сделать. Я обратил внимание, что Ханка почти ничего не ела — лишь пригубила вина. Она вызвалась проводить меня до гостиницы. Только-только закончилась эра Перона; Аргентина переживала политический и, по-видимому, экономический кризис. В Буэнос-Айресе были явные проблемы с электроснабжением. Город тонул во мгле. Улицы патрулировали жандармы с автоматами. Ханка взяла меня под руку, и мы двинулись по бульвару Корриентес. Внешне Ханка ничем не напоминала тетю Ентл, но в манере говорить действительно проглядывало что-то общее: она тоже перескакивала с предмета на предмет, путала имена, даты, названия родов.

— Вы первый раз в Аргентине? — спросила она. — Здесь что климат, что люди — все какое-то ненормальное. Я помню, что весной в Варшаве можно было подхватить сенную лихорадку, но ведь только весной, а здесь тебя лихорадит круглый год. Сначала плавишься от жары, потом — когда начинается сезон дождей — трясешься от холода. На самом деле все это одни большие джунгли. Города — оазисы в пампасах! Много лет еврейскими иммигрантами верховодили шлюхи и сутенеры. Потом их выгнали из общины, и они построили свою собственную синагогу и сделали собственное кладбище. Евреи, приехавшие сюда после Катастрофы, пропащие души. Как же так вышло, что вас до сих пор не перевели на испанский? Когда вы в последний раз встречались с моей прабабушкой Ентл? Я лично ее никогда не видела, но мне досталась от нее в наслед-

ство цепочка с медальоном, которым было, наверное, лет двести, не меньше. Я их потом обменяла на хлеб. Вот мы и пришли. Если вы не устали, я поднимусь к вам ненадолго.

На лифте мы поднялись на шестой этаж. Я с детства питаю слабость к балконам, и, войдя в номер, мы прошли прямо туда. В Буэнос-Айресе высотных зданий немного — нам открылась панорама города. Я вынес на балкон два стула, мы сели.

— Вам, наверное, странно, что я пришла вас встретить, — сказала Ханка. — Пока были живы родители и брат с сестрой, я, честно говоря, не слишком их ценила. Но после того как все они превратились в пепел, мне стало ужасно не хватать родственников, пусть даже дальних. Я читаю еврейскую прессу. Вы часто упоминаете тетю Ентл в своих рассказах. Неужели она действительно знала столько историй? Или вы сами все выдумали? То, что случилось со мной, вообще не поддается пересказу. Я одна, совершенно одна.

— Нехорошо, когда молодая женщина одна.

— Это слова. Бывает, что ты кружишься, как сорванный лист, и нет такой силы, которая бы могла вернуть тебя на ветку. Ветер уносит тебя все дальше и дальше от корней. На иврите есть даже специальное слово для этого, но я забыла.

— На-в'над — беглец и странник.

— Вот-вот.

Я подумал, что у нас с Ханкой будет короткий роман. Но когда я попробовал ее обнять, она сжалась, а ее губы остались холодными.

— Я вас понимаю, — сказала она. — Вы мужчина. Если поищите, к вашим услугам здесь будет множество женщин. Даже искать не обязательно. Но вы же нормальный человек, не некрофил. А я принад-

лежу к истребленному племени, мы для секса не годимся.

Лекцию в «Театр Солей» перенесли на несколько дней. Ханка обещала заглянуть ко мне снова на следующий день. Я хотел записать номер ее телефона, но она сказала, что телефон сломан. А когда в Буэнос-Айресе что-то выходит из строя, ждать ремонта можно по нескольку месяцев. Перед уходом Ханка как бы между прочим заметила, что, разыскивая родню, отыскала в Буэнос-Айресе еще одного моего родственника — Ехиеля, взявшего здесь имя Хулио. Ехиель был сыном Авигодора, брата моего деда. Мы с Ехиелем виделись дважды. Один раз в местечке Тишевиц, другой — в Варшаве, куда он приехал лечиться. Ехиель был на десять лет меня старше, я вспомнил, что он был темноволосый, высокий и очень худой. Он болел туберкулезом, и дядя Авигодор привез его в Варшаву показать специалисту по легочным заболеваниям. Я был уверен, что Ехиель не пережил Катастрофу, но вот выяснилось, что он жив и осел в Аргентине. Ханка поведала некоторые подробности. Он приехал сюда с женой и дочерью, но потом развелся и женился на женщине из Фрамполя, с которой познакомился в концлагере. Он стал торговцем вразнос, «незванным гостем», как их называют в Буэнос-Айресе, то есть тем, кто ходит из дома в дом и пытается всучить вам какой-нибудь товар. Его жена неграмотная, боится одна выходить на улицу. Она так и не выучила ни одного слова по-испански. Когда ей нужно купить батон хлеба или пару килограммов картошки, Ехиелю приходится сопровождать ее в магазин. В последнее время у Ехиеля развилась астма, и он ушел с работы. Он получает пенсию, какую, Ханка не знала, может быть, муниципальную, а может быть, от какой-нибудь благотворительной организации.